

Геннадий Фёдоров

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сборник сочинений
"Правдивые истории о жизни в СССР"

16+

Геннадий Фёдоров

Возрождение

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Фёдоров Г. Т.

Возрождение / Г. Т. Фёдоров — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-95548-6

Повесть «Возрождение» – это повествование, в котором представлен ряд эпизодов из жизни автора. Это правда о Советском времени глазами очевидца, изображающая действительность в ряде эпизодов, составляющих определённый период жизни в это время. «Повесть о зигзагах, имеющих место быть в русле моего трудового пути на ниве музыкальной культуры»

ISBN 978-5-532-95548-6

© Фёдоров Г. Т., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Об авторе	5
Повесть Возрождение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Геннадий Фёдоров **Возрождение**

Об авторе

Геннадий Тихонович Фёдоров родился 17 января 1926 года в селе Зяцьково Панкрушинского района Алтайского края.

С 8 лет начал работать в бригаде в сеноуборочную пору. Закончил 7 классов с отличием. Сразу после школы пошёл работать учеником токаря. Выполнял очень сложные детали к сенокосилкам, тракторам и автомашинам. К 17 годам – токарь 7 разряда.

17 января 1943 года исполнилось 17 лет, но во время весеннего призыва не был мобилизован в армию из-за брони, так как требовался в совхозе в качестве токаря. И только после весенней посевной и осенней уборочной страды 4 октября 1943 года был призван в ряды Красной Армии.

К тому времени обновлялась авиационная техника. Стране были необходимы грамотные авиационные механики. При наличии хорошего по тем годам образования (7 классов общеобразовательной школы, плюс токарь 7 разряда), был сразу отправлен из Новосибирска в ИВАШАМ (Иркутская Военная Авиационная Школа Авиационных Механиков). В школе было 1500 (полторы тысячи) курсантов – молодых, здоровых ребят со всего Советского Союза. Эту школу тоже закончил с отличием.

Поначалу, как и многие курсанты в школе, писал рапорты на фронт. Всегда приходил отказ. Курсанты решили плохо учиться, чтобы их отправили на фронт. За это отсидел на гауптвахте. После сказанных слов: «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим», начал учиться с большим удовольствием.

Считает, что это были самые светлые годы его жизни. Участие в военных действиях – Забайкальский фронт 26 дней. Очень рад, что внёс хоть маленькую долю в дело победы.

С 04 декабря 1943 года по 30 сентября 1953 года: служба в Вооружённых Силах Союза ССР.

1943-1945 год: ИВАШАМ – Иркутская Военно-Авиационная Школа Авиационных Механиков.

08.09.1945 – 30.09.1945 год: Забайкальский фронт – участие в Японских сражениях.

1950 год: Харьковское высшее инженерно-авиационное военное училище по специальности «авиационный техник».

1950-1953 годы: Германия – начальник ПАРМ (Полевая авиационно-ремонтная мастерская).

1953-1957 год: Новосибирское музыкальное училище по классу «хоровое дирижирование».

1957 год: преподаватель муз. грамоты и муз. литературы в музыкальных школах, дирижёр самодеятельных хоровых коллективов в районных центрах Новосибирской области.

1969 год: Московский институт культуры – факультет хорового дирижирования, г. Москва.

1975-1977 год: Университет марксизма-ленинизма – Высшая партийная школа, г. Новосибирск – получил высшее политическое образование в системе партийной учёбы.

Повесть Возрождение

Шёл 1966 год. Известно, что Никиту Хрущёва освободили от всех должностей высшей государственной власти, Советский Союз приступил к возрождению всего того, что было разрушено в годы его правления. Прежде всего, стали восстанавливать сельские районы. Эта акция коснулась и Здвинского района, которым Никита укрупнил Барабинский район, центр которого, город Барабинск, отдалён от Здвинска на 95 километров!

Нет необходимости останавливаться на материальных затратах, восстановлении всего разрушенного, а вот на укомплектовании состава руководителей района остановлюсь, так как это укомплектование явилось стимулом открытия Здвинской детской музыкальной школы.

Дело в том, что все руководители и специалисты этого района были распределены по укрупнённым районам и выбыли из Здвинска. Теперь же всю эту громаду надо было сформировать в сроки, ограниченные необходимостью. Поэтому работников второстепенной инстанции, которые до известной степени были способны выполнять порученную им работу, подбирали из местных жителей. Что же касается высшей инстанции руководителей и специалистов, то здесь получилась, как говорится, загвоздка. Ведь, несмотря на все перегибы высшей государственной власти, народ тянулся к культуре, и к этому времени во многих районах области были открыты и работали детские музыкальные школы, в которых учились дети тех, кому предстояло быть приглашёнными на работу в Здвинск.

Естественно, что покидать обжитое место ни руководителям, ни специалистам не очень-то хотелось, и оные отнекивались по причине того, что в Здвинске нет детской музыкальной школы. Эта действительность грозила застопорить формирование района на неопределённый промежуток времени.

И вот в начале июня 1966-го года меня приглашают в кабинет Николая Романовича Чернова (начальник областного Управления культуры Новосибирской области). Николай Романович сообщил мне о том, что назрела необходимость открыть детскую музыкальную школу в Здвинске. Помолчав немного, он продолжил:

«Во всех районах области, в которых открыты музыкальные школы, культура сельчан непременно и очень скоро становится на другой, более высокий, уровень. Оно и понятно. Преподаватели этих школ, имея музыкальное образование, активно участвуют в коллективах художественной самодеятельности и даже работают с участниками этой самодеятельности. Мы знаем Вас, Геннадий Тихонович. Вы человек грамотный и энергичный, имеете определённый опыт работы в ДМШ (детской музыкальной школе), с большим энтузиазмом относитесь к музыкальной культуре. Кроме того, как нам известно, являетесь незаурядным хормейстером... Мы надеемся, что Вы значительно можете повлиять не только на уровень культуры села, но и на массовое привлечение сельчан к этой культуре».

Не скрою, что такая высокая оценка моих профессиональных способностей пришлась мне по душе, так как, в сущности, Николай Романович озвучил свой вывод, основанный на знании моей девятилетней трудовой деятельности. Особенно трудовой деятельности последних двух лет. В эти годы я преподавал сольфеджио и музыкальную литературу в Чановской ДМШ. Кроме того, с энтузиазмом работал в общеобразовательной школе и вёл хор учителей в Чановском районном Доме учителя. Всё это было известно в ОБЛОНО (Областной Отдел Образования) и в Областном Управлении Народного творчества. Естественно, что Николай Романович был в курсе всего этого.

– Поэтому мы и предлагаем Вам стать директором Здвинской ДМШ.

– А где этот Здвинск? – спросил я.

Чернов подвёл меня к карте Новосибирской области, карандашом обвёл границы Здвинского района, кратко охарактеризовал особенности его природы и признался:

– На охоту я езжу только в Здвинск. Там прекрасные охотничьи угодья и рыбалка.
– Можно мне самому посмотреть, что это за Здвинск? – спросил я.
– Даю Вам три дня. Смотрите, думайте и решайте. До Здвинска можно долететь самолётом, – закончил он и сел за свой стол.

Поняв, что аудиенция закончена, я вышел из кабинета.

Через полтора часа лёта АНТ, появилось широко разбросанное село с выщербленными, неопрятными улицами. Сердце моё заныло. Между тем самолёт приземлился, и я, выйдя из него, увидел Здвинчан. Люди как люди – с улыбками и без улыбок, со словами и без слов стояли у самолёта и ждали, когда опустеет салон, и им разрешат занять свои места.

Аэродром примыкал к окраине села и минут через 20 медленного хода я был уже в центре его. Кричащее убожество и разруха села так подействовали на меня, что я вернулся на аэродром и стал ждать очередного рейса. В примитивном здании порта за столом, оборудованным приёмником, сидел его начальник – седой человек 65-ти лет. От него я узнал, что Здвинск – село хорошее, что «жить в ём можно»... Очередным рейсом я вылетел в Новосибирск!

На другой день встретился с Нелей Ивановной, которая была на сессии педагогического института. Я обрисовал ей картину, приведшую меня в состояние крайнего разочарования, но Неля Ивановна тут же, не задумываясь твёрдо объявила:

«Едем!»

И... я согласился.

В 9 часов утра следующего дня я уже был в кабинете Николая Романовича.

– Ну что, Вы согласны быть директором Здвинской детской музыкальной школы? – спросил он.

– Согласен.

– Тогда сегодня же Вам надлежит быть в Здвинске. Время не терпит. Первого сентября школа должна приступить к занятиям.

Проговорив это, Николай Романович вышел из-за стола, подошёл ко мне и, пожимая руку, поздравил меня с назначением на эту, как он сказал, ответственную должность и напутствовал:

– Эту свою трудовую деятельность начните с посещения председателя Райисполкома Карпова Виктора Георгиевича. Он Вам поможет во всём необходимом для работы школы. Передавайте ему мой привет. Ну, в добрый путь!

Поистине, из кабинета Николая Романовича я вышел одухотворённым и уже в 17:00 того же дня был в кабинете председателя Райисполкома Здвинского района Виктора Георгиевича Карпова.

Виктор Георгиевич меня встретил с таким радушием, которого я не ожидал. Когда я вошёл в кабинет и поздоровался с ним, он, привстав со своего стула, с приветливой улыбкой произнёс:

– Здравствуйте, Геннадий Тихонович! Присаживайтесь!

Устроившись на стуле, приставленном к столу председателя, я проговорил:

– Виктор Георгиевич, Николай Романович передаёт Вам привет.

– Спасибо, – ответил он. И, оценивающе посмотрев на меня, спросил:

– Значит, Вас назначили директором Здвинской музыкальной школы?

– Да, меня.

– Ну, что же?... Надо полагать, что Николай Романович Вас предупредил о том, что школу необходимо подготовить к началу учебного года. К первому сентября?

– Да, предупредил.

– Ну, что же, – снова проговорил он, – помещение готово. Для школы мы выделили брусчатый, 2-х квартирный дом. Внутри этого дома необходимо произвести нужную планировку. Этим Вы и займётесь. Обо всём, что касается оборудования школы, мы с Вами обсудим позже,

а прямо сейчас Вам надо встретиться с Хмелёвым. Это заведующий отделом культуры. Он проводит Вас к школе, познакомит с бригадой строителей и их бригадиром, который поможет Вам произвести планировку...

Немного помолчав, он продолжил:

– Надо полагать, что Вам потребуется моя помощь. Попросту обращайтесь ко мне по любому вопросу. Непременно! Без проволочек! Ну, в добрый путь! – закончил он, пожимая мне руку.

И так же, как выходя из кабинета Николая Романовича, так же и покидая кабинет Виктора Георгиевича, я, как сказал русский поэт Некрасовской школы Алексей Николаевич Плещеев: «Как был я духом бодр, как полон юных сил!...».

Меткая народная пословица утверждает, что «не место красит человека, а человек место».

В истине этой мудрой пословицы мне много раз приходилось воочию убеждаться и во время службы в рядах Советской армии, и в моей многолетней гражданской трудовой деятельности. Но с особой наглядностью это утверждение начало сбываться в первый же день моей работы в Здвинске. Оно, это «начало», стало сбываться прямо-таки с момента, когда я переступил порог кабинета теперь уже третьего представителя власти, и всё это в один день.

Войдя в кабинет, я увидел его хозяина, кричащего в телефонную трубку:

«Как я сказал, так и будет! Понял?!» Прокричав это, он, обращаясь ко мне, спросил:

– Вы ко мне? По какому вопросу?

– Если заведующий отделом культуры товарищ Хмелёв, то к Вам, – ответил я.

– Присаживайтесь, – сказал он, показывая на приставленный к столу стул. Когда я присел, он, уставившись на меня вопросительным взглядом, отрекомендовался:

– Да, я заведующий отделом культуры Хмелёв Николай Маркович. А кто Вы, и по какому вопросу явились ко мне?

– Я Фёдоров Геннадий Тихонович. Областное управление культуры назначило меня директором будущей Здвинской музыкальной школы, а Виктор Георгиевич Карпов посоветовал мне обратиться к Вам, чтобы Вы познакомили меня с бригадиром строительной бригады.

– Хорошо, – сказал он. И, сняв телефонную трубку, набрав номер, проговорил:

– Борковский? Меня пока не будет в кабинете. Я отлучусь с директором музыкальной школы. На месте буду где-то через час. Положив трубку, он вышел из-за стола, сказав мне: «Идёмте» и пошёл из кабинета, пропустив меня первым.

Мне показалось, что во всём поведении этого человека явно прослеживается уверенность в том, что его руководящая деятельность являет собою довольно весомую значимость.

Минут через двадцать неторопливого хода мы подошли к брусчатому дому, который на фоне общей неухоженной улицы выделялся своею чистотой, придающей ему привлекательную живительную весёлость. Надобно отметить, что и строительная площадка была необычно чистой. На обрезках брусьев, оставшихся от постройки дома и сложенных вблизи от него, сидело четверо армян. Когда мы к ним подошли, Хмелёв поздоровался с ними и спросил: – А где ваш бригадир? Где Арам?

– А вот его нет, – ответили армяне всем «квartetом». Минут через десять явился Арам. Поздоровавшись с ним, Хмелёв, показав на меня, объявил:

– Это директор школы. Зовут его Геннадий Тихонович. Теперь вы будете работать под его руководством.

Бригадир, протянув мне руку, попросту отрекомендовался:

– Арам Ильич.

– Ого! Как наш выдающийся композитор Арам Ильич Хачатурян, автор балета «Спартак» и его танца с саблями! – воскликнул я. Моё восклицание произвело очень сильное впечатление на армян. Арам, приветливо глядя на меня, стал потрясывать мою, сильно сжатую,

руку, а весь «квартет» в едином порыве восторженно заговорил по-армянски. Этот восторг прервал Хмелёв.

– Ну, мне пора, – заявил он, работайте тут, а у меня дела. Сказав это, он повернулся и быстро пошёл прочь.

И как только Хмелёв отошёл, все окружили меня и стали наперебой перечислять творения своего национального кумира. Тут был упомянут и балет Гаянэ, и его концерт для фортепиано с оркестром, его симфонии и песни для кинофильмов и т.д. и т.д. Когда эти страстные перечисления приостыли, я попросил Арама войти внутрь постройки и произвести нужную планировку.

Арам оказался знающим своё дело мастером. Когда я ему стал показывать, где нужно сделать перегородки, он достал лист бумаги и стал всё фиксировать. Получился план, который отразил мою разметку: довольно вместительный класс теоретических занятий, три классные комнаты для индивидуальных занятий, небольшой кабинет директора, в котором можно вести занятия по фортепиано и, у входной двери, отгородка для обуви и одежды.

Я заметил, что в течение всего этого занятия, Арам с готовностью выполнял все мои предложения, даже в том случае, когда я просил его изменить только что им занесённое в чертёж. Да и все члены бригады относились ко мне с почтением и выполняли все работы с особым прилежанием.

По всей видимости, моё отношение к их кумиру Араму Хачатуряну, о котором я говорил с таким уважением, повлияло на отношение ко мне и, следовательно, на их работу.

Как бы то ни было, но уже ко второй половине июля все внутренние работы были произведены на довольно приемлемом, в те времена возможном, уровне. Стены и потолок, покрытые древесноволокнистыми плитами и выкрашенные белой масляной краской, отливали лёгким голубоватым колером. Всё, даже отгородок для обуви и одежды, не нарушало опрятности и уюта. Обойдя все классные комнаты и заглянув в кабинет директора, я подумал: «Для полного ансамбля интерьера не хватает лёгких портьер на окна».

И вот теперь уже не счесть в который раз я в кабинете Виктора Георгиевича.

– Ну что же с Вами поделаться? Будь по-Вашему.

Сказав это, он позвонил заведующему швейной мастерской. Поговорив с ним, он, обращаясь ко мне, спросил:

– Ничего больше не нужно?

– Пока ничего, – ответил я. Спасибо Вам, Виктор Георгиевич.

– Тогда идите в школу. К Вам подойдёт мастер швейной мастерской и определит, что Вам нужно.

Так по-простому решалось множество вопросов даже таких, на которые заведующий отделом культуры товарищ Хмелёв говорил:

– Занимайтесь-ка, Геннадий Тихонович, сами этими делами, а мне некогда.

И я шёл к председателю Райисполкома, который никогда не отказывал.

Наконец, портьеры были на месте, и я, несколько раз пройдясь взглядом по всему интерьеру, немножко обнаглев, подумал: – Не хватает ковровых дорожек в коридоре и в кабинете директора. Долго не решался подойти к Виктору Георгиевичу, но видение этого благолепия преодолело мою неуверенность, и я вновь в кабинете председателя Райисполкома.

Когда я объяснил ему своё теперешнее появление, он, уставившись на меня своим вопрошающим, отражающим недоумение, взглядом, спросил:

– Ковровые дорожки?! Да Вы, Геннадий Тихонович, видите, что ни в приёмной, ни в кабинете председателя Райисполкома нет таковых? А Вы хотите в школе?

– Да, Виктор Георгиевич. Я вижу, что ни в приёмной, ни в Вашем кабинете нет этих ковровых дорожек. Но ведь приёмная и Ваш кабинет – это рабочие места, где этих дорожек может и не быть. А детская школа – это, хоть и маленький, но всё-таки храм музыкальной

культуры, а музыка является самым изящным проявлением человеческого ума. Поэтому желательно, чтобы этот маленький храм был своеобразным светочем не только музыкальной, но и всеобщей культуры.

– Ого! Вот это аргумент! – воскликнул Виктор Георгиевич и тут же позвонил директору Районной торговой Базы.

Итак, в конце июля 1966-го года здание музыкальной школы было вполне готово к оснащению его интерьера всем необходимым для выполнения учебных занятий, которые обеспечивают элементарное музыкальное образование.

В солнечное утро начала августа 1966-го года, вот уже в который раз осмотрев все классы, кабинет и коридор с его отгородкой, я подумал: – А не пригласить ли Виктора Георгиевича на «смотрины» этой благодати? Подумав так, я вновь направился в кабинет Карпова.

Между прочим. До сих пор я, прежде чем войти в кабинет, спрашивал у секретарши:

– У себя?

– Да, – отвечала она, – заходил в кабинет.

На сей же раз секретарша по телефону сказала:

– К Вам директор музыкальной школы, – и, положив трубку, сказала, – проходите.

Оказывается, в кабинете шло совещание по вопросу организации интерната при общеобразовательной школе.

Здесь восседали:

Заместитель Карпова,

3-й секретарь Райкома партии,

Заведующий РайОНО,

Директор общеобразовательной школы,

Председатель районного посёлка,

Главный экономист района и

Районный финансовый инспектор.

Когда я вошёл, заседание уже было закончено, потому что Карпов сразу же, обращаясь ко мне, спросил:

– Ну, а теперь-то, Геннадий Тихонович, что за нужда заставила Вас обратиться ко мне?

– Теперь, пока, уже никакой нужды у меня нет. А пришёл я к Вам, Виктор Георгиевич, чтобы пригласить Вас взглянуть на проделанные работы и оценить их.

– Вот это кстати! – воскликнул он и, обращаясь ко всем, продолжил: – Давайте-ка сходим, да посмотрим.

И вот мы в школе.

По сути дела, эта представительная компания явила собою статус приёмной комиссии, так как при окончании осмотра всего интерьера Виктор Георгиевич, обращаясь ко мне, заявил:

– Ну что, Геннадий Тихонович, все работы произведены на довольно высоком уровне, и можно приступить к оснащению всем необходимым для производства учебного процесса. Давайте-ка составьте список всего необходимого и завтра к 10:00 утра приходите ко мне в кабинет.

Ровно в 10:00 следующего утра я подал довольно обширный перечень необходимого оборудования, музыкальных инструментов, учебников, нужных наглядных пособий, нотных тетрадей и бумаги. Перечень был утверждён. Тут-то и началась моя совместная работа с заведующим отделом культуры товарищем Хмелёвым.

Ввиду того, что все материальные приобретения оплачивались по безналичному расчёту, заведующий отделом культуры был не у дел. Теперь же за казённую мелочь надо было платить «наличкой». Тут-то Николай Маркович, будучи распорядителем бюджета районного отдела культуры, проявил себя строжайшим радетелем государственной казны. Он то и дело приди-

рался по поводу дороговизны того или иного приобретения, по поводу необходимости этого приобретения, по причине этого или иного приобретения не в Барабинске, а в Новосибирске. И т.д. и т.п. До поры я терпел все эти несурзные придирки, и они мало отражались на ходе приобретения всего необходимого, но, когда Николай Маркович положил «под сукно» мою денежную заявку на приобретение 2-х напольных пюпитров и одного метронома, моё терпение истощилось. Я был молод, горяч, и подумал: а не пойти ли к председателю Райисполкома, да и отказаться от должности директора этой открывающейся Здвинской детской музыкальной школы.

Однако перед тем, как приступить к приобретению данного оборудования, я поместил в районную газету «Путь к коммунизму» объявление о наборе учащихся открывающейся детской музыкальной школы. Более того, назначил приёмные прослушивания детей на 20-е августа 1966 года. Следует отметить, что, когда я это объявление подал редактору газеты Буторину Александру Владимировичу, он прямо-таки с неприкрытой радостью воскликнул:

– Вот это здорово! А ведь моя дочь училась по классу фортепиано и уже перешла в 5-й класс! Поэтому я и согласился принять направление в Здвинск. Да и не только я, но и другие, прибывшие из районов, в которых дети учились в музыкальных школах, тоже будут рады.

Эти уверения редактора газеты и заявления, которые лежали на столе, и напутствия Николая Романовича, пробудили во мне твёрдое желание воскликнуть: «Нет! Караван должен идти!» Провозгласил себе я это и, теперь уже не просто, но с настырностью, стал продолжать своё дело.

До 20-го августа оставалось всего несколько дней, а из Областного Управления культуры о преподавателях никакого сообщения не было, и я, утренним рейсом АНТ, вылетел в Новосибирск. В Управлении культуры меня принял Николай Романович. Он расспросил меня о результатах работ, произведённых в школе и о её готовности к началу учебного года. Когда я закончил свой отчёт, Николай Романович поведал мне о том, что Виктор Георгиевич доволен моею деятельностью и её продуктивностью.

– Что же касается контингента учащихся и преподавателей, – продолжил он, – обратитесь в отдел образования.

Сказав это, он поднялся и, пожимая мне руку, произнёс:

– Желаю Вам, Геннадий Тихонович, доброго начала, до свидания.

– До свидания, Николай Романович! – ответил я и, с глубочайшим удовлетворением в глубине своей души, вышел из кабинета начальника Областного Управления культуры.

Расспросив меня о состоянии подготовки школы к началу учебного процесса, заведующая отделом образования, Олимпиада Владимировна, порекомендовала мне, во-первых, контингент учащихся набрать не более 50 учеников.

Во-вторых, учредить не более двух классов: класс фортепиано и класс баяна.

В-третьих, учащиеся класса фортепиано не должны быть моложе 2-х или даже 3-х классов, а учащиеся класса баяна – не моложе третьего класса общеобразовательной школы. Во всех сельских школах, добавила она, эти условия обязательно выполнялись. Помолчав, она продолжила:

– Теперь о преподавателях: преподавателем класса баяна может быть выпускник культпросвет училища Анатолий Андреевич Киселёв. Это баянист Здвинского Дома культуры. Вопрос о его назначении Вы можете решить с местным руководством района. А вот класс фортепиано придётся вести Вам. Вследствие того, что в музыкальном училище Вы прошли полный курс общего фортепиано, на первых порах вести его сможете.

С этим я в этот же день вернулся в Здвинск.

На следующий день я снова в кабинете Карпова. Сообщив ему о встрече с Николаем Романовичем, я подробно пересказал содержание беседы с заведующей отделом образования Олимпиадой Владимировной. По окончании моей информации, Виктор Георгиевич попросил

секретаршу вызвать к нему заведующего отделом культуры Хмелёва Н. М. Минут через десять он был уже в кабинете. Карпов, зная о том, что в Доме культуры пока большой работы в сфере художественной самодеятельности не ведётся, приказал ему оформить Киселёва на должность преподавателя музыкальной школы. Мне же сказал:

– При необходимости Вы будете отпускать Киселёва в РДК (районный Дом культуры).

По сути дела, оформление Здвинской музыкальной школы было завершено, и она обрела статус государственного учебного заведения! Буквально через полчаса я направился в РДК. Признаться, до сих пор, в связи с занятостью, мне не приходилось побывать в этом очаге культуры. Теперь же ввиду того, что ни Барковского, который был директором этого очага, ни Киселёва на месте не было, я спросил у технички:

– Где они могут быть?

Техничка со знанием дела ответила:

– Их вызвал Хмелёв. Подождите... Они скоро придут.

От нечего делать я принялся осматривать место препровождения свободного времени сельских тружеников. Меня крайне огорчило содержание интерьера довольно вместительного помещения. Всё было на уровне примитива, мало отражающего сущность культурного заведения, такого как РДК.

Позднее, когда у меня появилась возможность, я попытался узнать, когда и как создавался данный культурный объект. Но старожилы на мой вопрос коротко отвечали:

– А кто его знает?

Наконец, мне повезло. Я встретился с местным краеведом Чухаревым Николаем Трофимовичем и, почти слово в слово, записал его рассказ. Вот он.

До Советской власти Здвинск был довольно крупным селом, расположенным чуть ли не в центре Барабинской лесостепи. Через это село проходил тракт на Купино. А Купино расположено поблизости от Казахстана. В силу этого обстоятельства в Здвинске был образован ямской постоянный двор. Помещение же, в котором теперь расположен Дом культуры, было конюшней. По окончании гражданской войны в Здвинске была образована коммуна. Первое время коммунары сгоняли сюда свой скот. Но скоро убедились в нелепости такого решения, скот разобрали по своим дворам, помещение вычистили, проветрили и в нём устроили зернохранилище. Засыпали пшеницу, рожь, ячмень, горох и вику, подсолнечное зерно и прочие дары природы.

Где-то в 1936-м-37-м году, когда была построена зерносушилка и специальные зернохранилища, здание отремонтировали, в нём поместили избу-читальню, небольшую библиотечку и клуб.

В 1940-м году было намечено строительство Дома культуры. Приезжала группа архитекторов из Новосибирска, подыскала место для закладки фундамента. Но... грянула 2-я мировая война!..

Первые годы после окончания войны все физические и духовные усилия каждого гражданина страны Советов были направлены на возрождение всего разрушенного злейшим врагом, пытавшимся уничтожить первое в мире социалистическое государство, а его народ превратить в бессловесное рабочее быдло! Тут уж, как говорится, было не до увеселительного препровождения свободного времени. Такового ещё почти не было.

Но, как бы то ни было, духовный мир любого мыслящего человека, особенно духовный мир молодёжи, всё-таки требует разрядки такого трудового напряжения. И, к 1948-му году, главным образом эта молодёжь, с подачи районного руководства приступила к переоборудованию избы-читальни, клуба и библиотеки. Произвели ремонт здания. Вычистили и засыпали речным песком подполье. Настелили сосновый пол. Заново отштукатурили стены и потолок. Устроили подобие небольшой сцены, и получилось довольно приличное помещение, в зале

которого можно было разместить около 250-ти мест. К этому зданию пристроили довольно обширный вестибюль. По его концам отгородили 2 комнаты: одну – для работы персонала, а другую – для занятий малых групп и отдельных участников самодеятельности...

Наконец, явились те, кого я ожидал. Поздоровавшись со мною, Барковский, не скрывая налёта обиды в голосе, поведал мне о том, что Хмелёв подписал приказ о том, что Киселёв переведён в детскую музыкальную школу.

– Ничего страшного, – ответил я ему. В Доме культуры баянист занят, главным образом, не ранее восьми вечера. А преподаватель детской музыкальной школы освобождается к шести часам дня. Так что он всегда может быть в Доме культуры. А с Вами, Анатолий Андреевич, мы уже сейчас пойдём в школу, посмотрим заявления родителей и наметим план работы.

Нет необходимости перечислять действия, проводимые нами перед началом учебного года. Всё протекало самым обыкновенным образом. Если не считать первых профессиональных недостатков в работе Киселёва А. А., с которыми он справился благодаря моей подсказке, и учебный процесс пошёл без отклонений от нормы. Я вёл музыкальную грамоту и фортепиано. С октября месяца, когда расписания групповых и индивидуальных занятий обрели устойчивую чёткость, я приступил к выявлению голосовых возможностей каждого учащегося. Проверая диапазон, чистоту интонирования и звучания голоса, я постепенно убедился в том, что с этими ребятами можно создать добротный детский хор. После новогодних каникул мы с Анатолием Андреевичем приступили к созданию хора детской музыкальной школы.

Естественно, что сначала было очень сложно научить детей слышать не только себя, но и уловить общее звучание поющих. Научить каждого вливаться в чистое, слаженное общее звучание. То есть надо было создать единый детский творческий организм. Поэтому я сначала без сопровождения, скрупулёзно оттачивал каждое слово, каждый такт и каждую фразу. Добивался чистого стаккато, легато, форте и пиано, крещендо и диминуэндо. Словом, шлифовал весь состав динамики хорового пения. И только тогда, когда всё это было более или менее усвоено, просил Анатолия Андреевича сопровождать наше пение. Надо заметить, что далеко не все ребята одинаково относились к этим занятиям. Некоторые пытались даже поострить. Но от занятия к занятию они начинали с большим сознанием ощущать красоту сложенного звучания и проявлять более осмысленное отношение к коллективному певческому ансамблю.

Это вселяло уверенность в то, что на отчётном концерте, в конце учебного года, детский хор ДМШ произведёт благодатное отношение Здвинчан к хоровому пению на сцене. На первый взгляд такое стремление может показаться нелепостью. Но подоплёка его вполне оправдывается результатом своеобразного районного смотра художественной самодеятельности, который проходил 23-го февраля 1967-го года в честь дня Советской армии и военно-морского флота, его характеристикой заведующим отделом культуры Хмелёвым Н. М. и результатом моей беседы с ним на другой день после этого пресловутого смотра, в котором участвовало всего четыре коллектива из 12-ти сельских Домов культуры и коллектив РДК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.